

РОЗДІЛ І. ТЕОРІЯ МОВИ

Роман Забашта

ББК Ш 12=411

УДК 81-116.3:81'37-161.1

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ НОМИНАТИВНЫХ СУЩНОСТЕЙ

Стаття присвячена функціонально-ономасіологічному розгляду проблеми визначення меж єдиних номінативних сутностей у структурі російського речення. Особливу увагу приділено закономірностям продукування лексично поширених та граматично ускладнених номінативів, а також теоретичним наслідкам побудови моделей номінації виходячи з субстанціонального і функціонального інваріантів.

Ключові слова: функціонально-ономасіологічна теорія, єдина номінативна сутність, семантика, гіперсемантика, спосіб номінації.

Современные исследования в области ономасиологии связаны с выявлением и описанием единиц именования, имеющих различные структурные, лексико-грамматические и синтагматические свойства, однако нередко вопрос о функциональных качествах номинативных единиц, их границах в структуре предложения и описание того, какие типы номинативных единиц предназначены занимать определённые синтаксические позиции, остаются за рамками большинства исследований. Актуальность обращения к проблеме определения границ единых номинативных сущностей обусловлена, таким образом, острой необходимостью в разработке целостной функционально-ономасиологической теории. Главной задачей данной теории должно стать построение модели номинативной системы, функциональная специфика которой описывается в контексте рассмотрения процессов построения речевых синтагм пользователем языка в соответствии с его прагматическими установками, актуализированными интенциями.

Цель предлагаемой статьи – дать описание одного из возможных путей решения проблемы установления границ единых номинативных сущностей. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: 1) охарактеризовать проблему определения границ номинативных сущностей и выделить закономерности продуцирования лексически распространённых и грамматически осложнённых номинативов; 2) описать особенности типического и моделирующего способов номинации; 3) сравнить теоретические следствия построений моделей номинации исходя из субстанционального и функционального инвариантов.

В одной из своих работ Барри Страуд отмечает, что «люди говорят и понимают друг друга, без затруднений произнося предложения, которые они раньше никогда не слышали. Изучение языка должно помочь объяснить такой близкий, но сложный феномен» [Лещак 2002: 133]. Действительно, достаточно просто задуматься над вопросом, исчислимы ли все возможные предложения какого-то естественного языка, чтобы прийти к однозначному выводу: язык даёт возможность говорящему порождать бесконечное количество отличающихся друг от друга предложений. Тем не менее, существуют законы, благодаря которым слова и словосочетания, выполняющие номинативную функцию, интегрируются в определённые единства, комбинации, в результате чего возникают новые типы связей для выполнения уже другой функции – коммуникативной. И как показывает объективное положение дел, только однословная номинация не способна удовлетворить потребности говорящего именовать объекты мира.

Статус слова как центральной единицы номинативной системы за последние 20 лет неоднократно подвергался сомнению, уточнялся в ряду его сопоставления с другими единицами именования или вовсе отвергался (А.А. Буров, Н.Д. Голев, В.Н. Мигирин, А.И. Моисеева, В.М. Никитевич, А.Н. Рудяков, Е.Н. Сидоренко, А.В. Солнцев, В.И. Теркулов, М.В. Фёдорова) [см.: Забашта 2010]. Основное внимание в работах по семантике и ономасиологии уделяется рассмотрению вопроса о том, что не только слово выполняет номинативную функцию, но и другие единицы: словосочетания, сочетания слов, фразеологизмы, придаточные части сложноподчинённых предложений и т. п. Речевые процессы номинации интерпретируются при помощи описания специфики регулятивной предназначенности единиц именования – семантем. Семантика – функциональная единица номинативной системы, сложное единство сигнификата и средств его реализации (номинативных сущностей, синтагм-глосс), эксплицируемых в речи в зависимости от прагматических установок говорящего. Данное описание предполагает, во-первых, выяснение прямой зависимости структурного типа номинативной единицы от позиции номинации (прагматика внеязыковой ситуации) и, во-вторых, установление причинных отношений между степенью лексического распространения номинативной единицы и необходимостью в идентификации референта с сигнификатом (актуализация смыслообразительных признаков в процессе речевого воздействия).

Исходный тезис о том, что одно и то же понятие можно выразить различными номинативными средствами, субстанционально нетождественными друг другу (разная структура), но функционально тождественными (все они предназначены эксплицировать сигнификат), приводит нас к пониманию того, что слово не является единицей номинативной системы языка. Говоря о том, что слово не единица, мы лишь

утверждаем, что оно самостоятельно не способно обслуживать весь спектр номинативных предназначенностей системы средств выражения – высокоорганизованного инструмента, арсенала единиц именования пользователя языка, или языковой личности.

Современные исследователи (Е.Н. Сидоренко, В.И. Теркулов и др.) отмечают, что среди ономазиологических средств выражения следует выделять предложно-падежные группы, сочетания «артикли + существительное» и некоторые др., то есть группы сочетаний слов, в которых одно слово представлено номинативной единицей с вещественным значением, а другое – средством выражения грамматического значения. Единицы, обладающие наибольшей автосемантической, наиболее доступны восприятию, они ассоциируются в языковом сознании с отдельным словом. Другие единицы, «так называемые синсемантические, неполнозначные слова в этом отношении являются прямо противоположными знаменательным словам, и трудности их воспроизведения связаны с тем, что в их лексикографических толкованиях положительные, «вещественные» смысловые элементы сведены к минимуму, а на передний план выступают коннективные параметры, связанные с функциональными, синтактико-речевыми свойствами языковой семантики» [Кузнецов 2002: 147]. Вопрос о словном статусе некоторых служебных единиц до сих пор открыт в лингвистике. Например, представление о предлоге как об особой аналитической морфеме. Примечательна в этом смысле структура многих префиксальных глаголов движения (и некоторых др. русских глаголов) с дублирующим предлогом: *добежать до дороги, отойти от машины, въехать в гараж, спрыгнуть с дерева, подкопать под бункер, дотянуться до небес* и др. Как представляется, семантика префикса и предлога полностью совпадают. Синтагма *в гараж* и форма номинатива *гараж* тождественны по категориальным семантическим признакам, отличие заключается только в том, что первое обозначает направление движения внутрь объекта, а второе обозначает сам объект. С функционально-ономазиологической точки зрения синтагма *в гараж* является единой номинативной сущностью, поскольку в ней реализуется одна семантема, распространённая грамматическим осложнителем. Данный вопрос требует отдельного рассмотрения. Для нас важно отметить, что традиционное деление единиц языка на слова не отражает реальные границы единых номинативных сущностей в структуре предложения.

Живые процессы номинации свидетельствуют о том, что продуцирование номинативов в большинстве случаев не ограничивается однословным заполнением синтаксической позиции. Интересным в этом отношении представляются спорные вопросы об определении синтаксических функций в предложении, например, в высказывании *Нечто огромное и бесформенное преградило нам путь* позицию подлежащего занимает лексически распространённый номинатив. Выделение этого номинатива в функции подлежащего есть даже не столько следствие полужнаменательности слова *нечто*, сколько понимание функциональной специфики номинатива. Обратимся к детальному рассмотрению этого вопроса.

В одной из своих статей А.Н. Рудяков использует метафору конструктора для объяснения сущности языка и речи как форм существования одной сущности: «У конструктора есть «парадная» форма существования – детали разложены в коробке, они одинаковые или разные (одни для соединения, другие – для стройки), они формируют парадигмы, их можно классифицировать, ими можно любоваться и т.д. Однако это множество деталей существует «для». Для создания моделей – машин, самолётов, кранов, которые, и здесь – самый важный пункт наших рассуждений – по сути есть не машины, самолёты, краны, а иная форма существования конструктора <...>. Для нас важно то, что конструктор остаётся собой и в коробке, и в модели. Равно как естественный язык остаётся сам собой и в виде арсенала и в виде текста, который есть форма существования языка» [Рудяков 2005: 294]. Итак, важно остановиться на следующем моменте: каждый естественный язык предоставляет говорящему свой неповторимый арсенал номинативных средств, и этими средствами в большей или меньшей степени (проблема идиолекта) владеют все члены социалемы. Владение номинативными единицами языка означает способность применять их для именования объектов Универсума в прямой зависимости от потребностей говорящего, иначе говоря, «мы обозначаем знаками не непосредственно тот или иной элемент мира, а словно применяем значение этого знака к той реалии, которую мы хотели бы здесь и сейчас именовать. Если наблюдаемые нами свойства этой реалии совпали с признаками того языкового понятия, которое эксплицируется *этим словом*, мы вправе именовать *эту реалию этим словом*... Язык должен предоставить в распоряжение говорящего субъекта средства для именования всех бывших, сущих и будущих реалий. Эти средства именования регулятивно предназначены, т. е. каждое из них предназначено для определенной ситуации и определенных объектов воздействия» [Рудяков 2004: 149]. В соответствии с идеей о некоем «готовом» наборе номинативных единиц, существующих в языке, и «конструировании» с их помощью других, более сложных единиц, представляется возможным выделить два общих способа номинации:

1) типический способ номинации, характеризующийся использованием неспециализированных номинативных средств, то есть сигнификат эксплицируется в речи при помощи слова (*дом, событие, бежать*), коллокации, или устойчивого сочетания с постоянным составом элементов (*железная дорога, аттестат зрелости, знак препинания*), фразеологизма (*китайская грамота, Альфа и Омега, сыграть в ящик*). Данный способ номинации отличается тем, что говорящий использует данные номинативные единицы в качестве эталонных элементов именования, минимальных «деталек конструктора»: используя данные единицы в процессах речевой номинации как готовые, а не моделируемые самим пользователем, мы отражаем

минимальные отличительные признаки референта путём его идентификации с сигнификатом. Для единицы *дом* в зависимости от контекста это может быть или признак ‘строение’, или ‘жилое помещение’, или ‘люди, живущие вместе’, или ‘царствующий род’, или ‘учреждение’ и т.п.

Важно обратить внимание на то, что в указанных здесь случаях количественно реализуется одна семантема;

2) моделирующий способ номинации, характеризующийся использованием специализированных номинативных средств, то есть сигнификат эксплицируется в речи при помощи свободного словосочетания (*высокий дом, приезжающий часто*), коррелята – номинативной единицы с относящимся к ней приложением (*женщина-кузнец, текст-абракадабра*), фразового номинанта – придаточной части сложноподчинённого предложения или соединения с полупредикативной связью (*кто посообразительнее; тот, который должен был прийти в среду; сотрудник, опоздавший на собрание*). Данный способ номинации отличается тем, что говорящий использует минимальные номинативные элементы в качестве строительного материала для именованного референтов, содержание которых должно быть раскрыто значительно шире и полнее, нежели с помощью одного отличительного признака. Действительно, в конкретной речевой ситуации говорящий может сказать «*Дай мне книгу!*», но для уточнения предмета императива могут быть использованы самые разные средства номинации: «*Дай мне синюю книгу!*», или «*Дай мне привезённую вчера курьером книгу!*», или «*Дай мне ту книгу, что ближе к тебе!*» и т.д. Выделенные отрезки высказываний и являются специализированными номинативными средствами, то есть понятие с их помощью выражается расчленённо. Следовательно, в пределах лексически распространённого номинатива можно говорить не о реализации единой номинативной сущности, а о сложном единстве разных номинативных элементов, интегрированных в функциональную целостность. Прибегая к аналогии, скажем, что подобные единицы похожи на соединённые друг с другом минимальные детали конструктора, образующие, например, кабину; соединение же полученных конструкций на основе представлений о некоей модели (автомобиль), позволяет интегрировать эти конструкции в функциональную целостность.

Синтаксической науке хорошо известен вопрос о разграничении слова и словосочетания. В. В. Виноградов определял это отличие тем, что слова «обозначают отдельные понятия»¹, а словосочетания служат «обозначением какого-нибудь единого, но расчленённого понятия или представления», являются «расчленённым обозначением одного понятия» [Виноградов 1954а: 10; Виноградов 1954б: 6, 19]. Однако в результате возникает некоторое недопонимание при всякой попытке непротиворечиво представить триаду «отдельное понятие» – «единое понятие» – «одно понятие», поскольку, как справедливо отмечает Т. А. Тулина, «обозначение расчленённого понятия» и «расчленённое обозначение понятия» – далеко не равнозначные отрезки, хотя и кажутся такими» [Тулина 1976: 14]. Действительно, возникает дилемма: считать, например, словосочетание *зелёное поле* номинативной единицей, эксплицирующей одно понятие, или, наоборот, два понятия (сигнификата). На наш взгляд, следствием данной двусмысленности является субстанциональное понимание составных частей словосочетания; согласно этому взгляду, «словосочетание образуется из слов» [Виноградов 1954б: 6, 19], то есть состоит из слов. Функциональное понимание приведённого выше примера, наоборот, свидетельствует о том, что словосочетание не может состоять из субстанциональных элементов, оно состоит из семантем – функциональных единиц (ср.: *зелёное поле* и *поросшее растительностью поле*, *поросшее растительностью поле* и *поросшая растительностью безлесная равнина*). О возможности идентифицировать номинативную единицу через её толкование писал в своё время А. М. Кузнецов, в частности обращая внимание на то, что толкование может быть воспринято не просто в металингвистическом смысле, но и как особая единица именованного, например, при номинации-загадке [Кузнецов 1986: 88-90].

Важно обратить внимание на то, что при моделирующем способе номинации чаще всего происходит соединение нескольких семантем в одну номинативную сущность, например, специализированная единица *высокий каменный забор* представляет собой соединение трёх семантем, одна из которых является основной по причине того, что её семный набор, в пределах данной номинативной целостности, распространяется присоединяемыми к ней другими семантемами. Следовательно, семантемы *высокий* и *каменный* есть не что иное как семантические множители по признакам ‘уровень протяжённости по вертикали’ и ‘материал’, они формируют сложную единицу именованного, распространяя основную семантему *забор*. Может возникнуть сомнение относительно того, семантема ли является базовой в данном случае единицей именованного. В.И. Теркулов считает, что единая номинативная сущность имеет базовую единицу – слово, и все её аналитические модификации есть средство синтагмного употребления именно слова [Теркулов 2007]. Мы не можем согласиться с подобной трактовкой в силу того, что основная семантема в пределах свободного словосочетания может быть эксплицирована не только словом, но и другими номинативными средствами, ср.: *высокий каменный забор*, *высокая каменная ограджающая стена*, *высокое каменное сооружение*, *отделяющее две территории друг от друга*. В зависимости от того, семантический инвариант (субстанциональный) или функциональный инвариант (процессуальный) выступает в качестве системообразующего начала, могут быть построены разные модели лексики. Первый из названных подходов предполагает дальнейшее эмпирическое членение единиц *ограджающая стена* и *сооружение*, *отделяющее две*

¹ Ошибочная попытка дать определение слову, поскольку служебные слова и междометия не выражают понятий.

территории друг от друга в поисках базового слова (и они будут найдены – *стена* и *сооружение*), но при этом будет разрушено функциональное тождество, поскольку именно *ограждающая стена* ≡ *сооружение*, *отделяющее две территории друг от друга* ≡ *забор*. Принцип семантического тождества не способен отражать закономерности речевой номинации, то есть процессуального использования номинативных элементов для построения специализированных номинантов.

Слово – основной вариант реализации семантемы, языковая система вообще «стремится» к однословной номинации языковых понятий, но одновременно существует и противоположная тенденция к аналитизму. Мы должны согласиться с тезисом о том, что «наблюдение за формированием аналитических конструкций и функционированием их в речи позволяет утверждать, что языковая репрезентация концепта осуществляется в определенных случаях преимущественно аналитическим способом, а коммуникативное намерение говорящего нередко реализуется лишь в рамках сложной номинации аналитического типа» [Ушкова 2006: 4]. Проблема только в том, что сам термин аналитизм излишне формален: его употребление не способствует пониманию того, почему в естественном языке, во-первых, существует большое количество типических неоднословных средств именования и, во-вторых, почему речевое воздействие на другого человека в подавляющем большинстве случаев осуществляется при помощи моделирующего способа номинации.

В контексте рассмотрения механизма семантемы показательным представляется нуль-позиция, поскольку её специфика изоморфична другим языковым явлениям. Нуль-позиция реализации семантемы проявляется в высказываниях, отличительным признаком которых есть синтаксическая неполнота, ср.: *Я приеду пораньше, в пятницу, а Михаил – в воскресенье*. Семантема *приехать* во второй части предложения материально не выражена, то есть следует говорить о нуль-позиции². Свидетельством нуль-позиции также выступает особая интонация и пауза перед предложно-падежным сочетанием *в воскресенье*. Появление данных фонетических явлений обязательно для адекватного восприятия структуры высказывания, то есть для идентификации нуль-семантемы.

Обусловленное прагматическим компонентом соединение в речи нескольких семантем в один номинативный комплекс для выражения одного денотата мы будем называть гиперсемантемой. Так, в результате соединения двух единиц в гиперсемантему *кричать громко* образуется один сигнификат, состоящий из двух семантем: семный набор семантемы *громко* становится признаковым актуализатором ‘интенсивность проявления звука’, относящимся к основной семантеме *кричать*. Таким образом, гиперсемантизируются те номинативные единицы, которые имеют соответствующее средствам лексического распространения устройство.

Проиллюстрируем действенность изложенного подхода на текстовом материале.

Перед нами произвольно взятое предложение из одного из рассказов Айзека Азимова:

*«И в тот момент, когда Вестоны стояли, полностью поглощённые созерцанием мощного электромагнита, миссис Вестон внезапно обнаружила, что Глории с ними нет»*³.

Вопрос первый: сколько коммуникативных единиц (высказываний) содержит данное предложение? Ответ: одно (*И в тот момент миссис Вестон внезапно обнаружила**⁴).

Вопрос второй: сколько семантем/гиперсемантем реализовано в данной коммуникативной единице? Ответ: пять (*тот момент, когда Вестоны стояли; Вестоны, полностью поглощённые созерцанием мощного электромагнита; миссис Вестон; внезапно обнаружила; то, что Глории с ними нет*).

Вопрос третий: какая синтаксическая модель является базовой для данного высказывания? Ответ: [временной конкретизатор + субъект + состояние субъекта + каузатор состояния субъекта].

Дадим описание каждой семантемы:

(1) *тот момент, когда Вестоны стояли*: моделирующий тип номинации, гиперсемантема (фразовый номинант) с общим значением ‘конкретизатор временной принадлежности’, образованная по модели [указательное местоимение + существительное-темпоратив + союз-темпоратив + предикатив, допускающий субъект].

(2) *Вестоны, полностью поглощённые созерцанием мощного электромагнита*: моделирующий тип номинации, гиперсемантема (фразовый номинант) со общим значением ‘лицо с атрибутом-обстоятельством, каузирующим состояние лица, названным атрибутом’;

(3) *миссис Вестон*: моделирующий способ номинации, гиперсемантема (коррелят) с общим значением ‘лицо женского пола, состоящее в браке’;

(4) *внезапно обнаружила*: моделирующий способ номинации, гиперсемантема (свободное словосочетание) с общим значением ‘действие по признаку неожиданности, обозначающее состояние лица’;

(5) *то, что Глории с ними нет*: моделирующий тип номинации, гиперсемантема с общим значением ‘объективированное обстоятельство’, источник специализированной номинации – предикатив *нет*.

² Аналогичные явления известны в области фонологии, когда фонема представлена нуль-звукотипом, например, представители Московской фонологической школы считали, что в словоформе *сна* фонологически представлены все функциональные единицы: <сона>.

³ Айзек Азимов. Робби [пер. с англ. Алексея Иорданского] // Мечты роботов. – М.: Эксмо, 2007. – С. 48.

⁴ Знаком «*» мы обозначили обязательность заполнения синтаксической позиции.

Наполняя данную синтаксическую модель различными семантемами, мы будем выражать совершенно разный смысл, но функционально будут реализовываться четыре указанных модуса-позиции модели, ср.: *Ранним летом я вдруг неожиданно почувствовал приближение осени* или *Без пятнадцати два он понял то, о чём ему говорили на встрече*. Описание того, какие семантемы предназначены занимать позицию каждого модуса, и есть задача синтаксиса. Например, модус-позиция «временной конкретизатор» может быть описан при помощи следующих типов:

- 1) промежуток времени (*этой осенью, с одиннадцати до тринадцати часов вечера, во время трансляции матча*);
- 2) момент времени (*ровно в одиннадцать; тогда, когда пробил последний удар часов*);
- 3) регулярность действия во времени (каждый день; при любом случае);
- 4) супертемпоратив, или временная генерализация (*всегда, никогда, во все времена*) ит. д.

Данный подход имеет большое прикладное значение. Очевидно, что если не описать все неспециализированные средства именования и не задать типологию позиций, то компьютерная система не сможет формализовать отношения между семантемами в структуре высказывания. Более того, как показывает работа с некоторыми современными программами-переводчиками («Google переводчик»), машина оперирует не семантемой-единицей и соответствующими каждой позиции номинации её означающими, а исключительно означающим-единицей и соответствующими какой-либо грамматической структуре её формами. Именно это очень часто приводит к тому, что на практике машинного перевода, во-первых, основные варианты разных семантем, субстанционально тождественные друг другу, не различаются (например, при переводе слова «совет» с русского на английский машина может предложить не «council», а «advice») и, во-вторых, формальная синтаксическая модель не способна в большинстве случаев работать как смыслоогранизующая система номинативной сферы естественного языка. Ещё одной проблемой прикладной лингвистики является распознавание компьютером специализированных номинативных единиц.

В заключение отметим, что конечная цель функционально-ономасиологической теории видится в объяснении механизмов построения высказываний путём описания того, какие типы номинативных единиц предназначены занимать определённые синтаксические позиции. Исследование данной проблематики представляется перспективой применения функционально-ономасиологической теории к изучению принципов организации коммуникативных единиц.

Литература

- Виноградов 1954а: Виноградов, В.В. Введение к «Грамматике русского языка» [Текст] // Виктор Владимирович Виноградов. – Т. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 243 с. – Библиогр.: с. 231-242.
- Виноградов 1954б: Виноградов, В.В. Введение к «Грамматике русского языка» [Текст] // Виктор Владимирович Виноградов. – Т. 2., Ч. 2. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 312 с. – Библиогр.: с. 293-312.
- Забашта 2010: Забашта, Р.В. Функционально-ономасиологическая теория как средство преодоления словоцентризма [Текст] / Р.В. Забашта // Система і структура східнослов'янських мов. Зб. наук. прац. – К. : Видавництво НПУ імені М.П.Драгоманова, 2010. – Вип. 2. – С. 85-99. – Библиогр.: с. 98-99.
- Кузнецов 2002: Кузнецов, А.М. Компонентный синтез и толкование «предметного» класса слов (денотативов) в толковых словарях [Текст] / А.М. Кузнецов // Вавилонская башня : Слово. Текст. Культура. Ежегодные международные Чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого. – 2001 МГЛУ (16-17 апреля 2001 г.). – М. : «Сарма», 2002. – С. 141-149. – ISBN 5-88983-029-5.
- Кузнецов 1986: Кузнецов, А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу [Текст] / Анатолий Михайлович Кузнецов. – М. : Наука, 1986. – 125 с. – Библиогр.: с. 118-124.
- Лещак 2002: Лещак, О.В. Очерки по функциональному прагматизму: (методология – онтология – эпистемология) [Текст] / Олег Владимирович Лещак. – Тернополь–Кельце : Підручники і посібники, 2002. – 255 с. – Библиогр.: с. 145-254.
- Рудяков 2005: Рудяков, А.Н. О знаковых «орудиях труда» [Текст] / А.Н. Рудяков // Функционализм как основа лингвистических исследований : XII междунар. конф. по функциональной лингвистике, 3-7 окт. 2005 г. : сб. науч. докл. – Симферополь–Ялта, 2005. – С. 294-295.
- Рудяков 2004: Рудяков, А.Н. Язык, или Почему люди говорят : (опыт функционального определения естественного языка) [Текст] / Александр Николаевич Рудяков. – К. : Грамота, 2004. – 224 с. – Библиогр.: с. 214-223.
- Теркулов 2007: Теркулов, В.И. Слово и номинатема: опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка [Текст] / Вячеслав Исаевич Теркулов. – Горловка : Изд-во ГППИИЯ, 2007. – 240 с. – Библиогр.: с. 217-239. – ISBN 978-966-8469-47-3.
- Тулина 1976: Тулина, Т.А. Функциональная типология словосочетаний [Текст] / Татьяна Александровна Тулина. – К.-Одесса : Вища школа, 1976. – 176 с. – Библиогр.: с. 162-176.
- Ушкова 2006: Ушкова, Н.В. Аналитическая репрезентация концепта в языке : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Н.В. Ушкова. – Тамбов, 2006. – 44 с.

Статья посвящена функционально-ономасиологическому рассмотрению проблемы определения границ единых номинативных сущностей в структуре русского предложения. Особое внимание уделено закономерностям продуцирования лексически распространённых и грамматически осложнённых номинативов, а также теоретическим следствиям построений моделей номинации исходя из субстанционального и функционального инвариантов.

Ключевые слова: функционально-ономасиологическая теория, единая номинативная сущность, семантема, гиперсемантема, способ номинации.

The article is devoted to functional onomasiological analysis the problem of determining the boundaries of single nominative entities within the Russian sentence. Particular attention is paid to the laws of production of lexically and grammatically composed nominative units, as well as theoretical consequences for building models based on the nomination of the substantial and functional invariants.

Keywords: functional onomasiological theory, a single nominative entity, semantheme, hypersemantheme, the way of nomination.

Надійшла до редакції 15 вересня 2010 року.

Наталія Іванишин

ББК 81.411.1

УДК 811. 161. 2'371

ОЗНАКИ ІМПЛІЦИТНОСТІ ЯК МОВНОЇ КАТЕГОРІЇ

У статті розглянуто теоретичні питання, пов'язані зі з'ясуванням категорії імпліцитності, виділено такі сутнісні ознаки латентного, як необлігаторність вияву, вторинність значень, особливий спосіб вираження, наявність основних джерел виявлення та здатність виступати у тексті смисловим конектором.

Ключові слова: імпліцитність, латентне, текст, підтекст, імплікація, пресупозиція.

Контроверсійність підходів до інтерпретації імпліцитного як мовного явища зумовлює неоднозначність трактування названої категорії, що вимагає встановлення сутнісних ознак її маніфестації, тих факторів існування, які у проєкції на комунікативне тло виявляються об'єктивними, однозначними, такими, що сприяють актуалізації закодованого в образній площині латентного смислу. Зі сказаного випливає **мета** статті — розглянути теоретичні питання, пов'язані з розкриттям поняття “імпліцитність”. Поставлена мета передбачає розв'язання таких **завдань**: розглянути різноаспектні підходи стосовно латентного способу передачі інформації та виділити основні ознаки імпліцитності як лінгвокатегорії.

На нашу думку, розуміння імпліцитності ґрунтується на виявленні умов її існування. Розглядаючи погляди багатьох вчених, які аналізували приховане значення, виділяємо визначальні фактори його репрезентації.

Однією із основних ознак латентності є **необлігаторність** її виявлення, під якою будемо розуміти не обов'язкову експлікацію останньої у процесі кодування/декодування повідомлення комунікантами.

“Втрата” чи “надлишок” інформації у мовленнєвій інтеракції детерміновані, на думку багатьох мовознавців, двома основними чинниками: з одного боку, латентний смисл, закодований автором, не “доходить” до реципієнта або сприймається ним не повною мірою; з іншого — новий зміст може висновуватися із повідомлення, не будучи при цьому закладеним кодувальником (Бацевич Ф., Борисова О., Брагіна Н., Дементьев В., Мартем'янов Ю., Нікітін М., Перванов Я.).

Так, болгарський дослідник Перванов Я., аналізуючи виявлення асоціативного потенціалу відправника повідомлення, зауважує: “останній може наділяти значення формальними функціями, зокрема функцією вираження деякого блоку смислів”, “основи для імплікування можуть бути закладені в самому тексті” [Перванов 1995: 8].

Нікітін М. зазначає, що “серед імпліцитних зв'язків необхідно одразу ж виділити немимовільні й мимовільні. Перші входять у задум (інтенцію) комунікації і є особливо цікавими. Інші — побічна інформація комунікативних актів” [Никитин 2001: 201].

Український дослідник Бацевич Ф. виділяє три типи імпліцитної інформації в дискурсі і тексті: текстовий імпліцитний зміст (інформація, яка відповідає явним комунікативним намірам адресанта); підтекстовий імпліцитний зміст (інформація, передання якої входить у приховані комунікативні наміри відправника тексту); притекстовий імпліцитний зміст (інформація, яка може бути виведена з тексту, хоча її передавання не входило в комунікативні наміри адресанта) [Бацевич 2004].

Автори колективної монографії “Імпліцитність у мові й мовленні” вважають, що “оскільки для виділення імпліцитної інформації потрібні деякі додаткові зусилля слухача, які можуть бути більшою чи меншою мірою